

Юлиан Семенов

ТРЕТЬЯ КАРТА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
С 30

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

Семенов Ю.

С 30 Третья карта : роман / Юлиан Семенов. —
СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. —
416 с. — (Азбука-бестселлер. Русская проза).
ISBN 978-5-389-34474-7

«Третья карта» Юлиана Семенова входит в цикл «шпионских» романов о Штирлице, легендарном советском разведчике. Действие разворачивается в июне 1941 года — за несколько дней до нападения Германии на Советский Союз. В центре повествования — закулисная борьба разведывательных спецслужб Третьего рейха. Разменной монетой в этой борьбе становятся украинские националисты, которые с помощью нацистов рассчитывали расправиться с польскими «оккупантами» и большевиками и добиться создания независимого украинского государства, однако оказались лишь пешками в руках более опытных игроков. Роман «Третья карта» был написан в 1975 году — позднее, чем «Семнадцать мгновений весны» (1969) и «Майор Вихрь» (1967), однако по хронологии событий именно «Третья карта» открывает серию книг о работе прославленного советского разведчика в годы Второй мировой войны.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-34474-7

© Ю. С. Семенов (наследники), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ГАННА ПРОКОПЧУК (I)

Женщина медленно шла по городу, который теперь был другим, несмотря на то что по-прежнему синяя дымка стояла над Монмартром и сияли на жарком июньском солнце купола храма («Боже мой, ведь здесь все было другим год назад, всего триста шестьдесят дней назад!»), и речь горожан, как и раньше, казалась беззаботной из-за того, что французы умеют смеяться над своими слезами.

Женщина свернула в маленький парк Монс-Элизе. Тяжелые балки солнечных лучей чернили пыльную листву платанов. Раньше здесь всегда слышался звонкий гомон детских голосов, и Ганна любила приходить сюда и сидела, закрыв глаза, и ей казалось, что сейчас, вот-вот сейчас, на колени вспрыгнет Янек, обовьет ее шею своими теплыми руками, а затем подбежит младший, Никита, станет отталкивать Янека, сопеть курносым своим носиком и потом заплачет: если ему что-то не удавалось сразу, он всегда плакал так горько и безутешно, что сердце разрывалось.

Но сейчас в парке детей не было, и никто не прогуливал пуделей на зеленых газонах, и старушки с седыми волосами не сидели с вязаньем на острых коленях, и юноши не играли в свои странные металлические шары — таких игр никогда не было в Польше. Пусто было в парке и тихо, одно слово — оккупация...

«Только бы снова не думать об этом проклятом „зачем“, — испугалась Ганна. — Так можно сойти с ума. Да, я идиотка и последняя дура, да, я поступила глупо, преступно, но нельзя все время думать об этом, нельзя постоянно казнить себя — тогда я лишусь сил и уж ничего не смогу сделать».

Ганна заплакала, потекли быстрые слезы; она увидела себя со стороны, открыла сумочку, достала платок, высморкалась («Никитка так же сморкается — жалостливо»), поглядела в маленькое зеркальце на покрасневшие веки, припудрилась, подвела ресницы и подставила лицо жаркому, пепельному солнцу.

«Нельзя приходить туда с зареванным лицом, — сказала она себе. — Я должна выглядеть красивой. Чиновники помогают только привлекательным женщинам. Они не любят опустившихся просительниц и боятся истеричек. Все чиновники хотят быть дипломатами, они мечтают на раутах с послами болтать, они о фраках мечтают и фэйф-о-клоках... Это архитектура помогла мне понять людские характеры, — удивилась своей мысли Ганна. — А ведь это так, действительно это так. Легкость и красота стек-

ла, алюминия и бетона не просто облегчают конструкцию — они облегчают жизнь, потому что делают ее красивей. Корбюзье прав: архитектура — главный воспитатель человечества; если людей „обречь“ на красоту вокруг них, они станут лучше, они не смогут поступать так, как поступают, когда живут в каменных казематах, где нельзя двигаться свободно, и видеть свое отражение, и чувствовать солнце, постоянно чувствовать солнце... Будь проклята эта моя архитектура и мои солнечные города — кому они нужны сейчас? Мне нужны мои маленькие, их сердитое сопение, когда они лезли ко мне на колени, отталкивая друг друга, мне нужно босое шлепанье их ножек, когда они кралась ко мне по утрам, высунув свои розовые языки от страха, счастья и напряжения, — только бы не разбудить меня, только бы прыгнуть ко мне на кровать, и залезть под одеяло, и уткнуться своими курносими носиками мне в уши, и замереть счастливо... Ой, сейчас я снова заплачу, а через полчаса надо быть там, а зареванной бабе обязательно откажут, и я сойду здесь с ума, в этом тихом, пустом и — теперь уже — чужом городе...»

Среди русских и украинских эмигрантов ходили слухи, что редактор «Парижского вестника» Богданович создает особый отдел, который будет помогать с пропусками, чтобы люди могли вернуться в те места, откуда их разметало за последние два года войны.

Ганна решила пойти к Богдановичу: хоть он русский, а не поляк, но все же он должен понять

ее лучше, чем немец, да и язык немецкий она знает слабо; а французские чиновники лишены всякой силы — выполняют лишь то, что им предписывают оккупационные власти.

В редакции, которая помещалась на Ваграме, Ганну принял секретарь редакции Сургучев, участливо выслушал ее просьбу, попросил подождать в приемной, предложив почитать газету.

— Господин Богданович освободится через десять минут. Как ото по-украински, — улыбнулся он, — будь ласка? Так, кажется? Будьте ласка, обождите его здесь.

Ганна поблагодарила его такой же, как у него, обязательной, воспитанной улыбкой и раскрыла газету. Машинально, наметанным взглядом человека, который умел создавать формы, она отметила, как нелепо сверстаны полосы — полное нарушение пропорций. Она всегда чувствовала пропорцию и свет. Ее проекты получали первые призы на международных конкурсах архитекторов в Гааге и Париже, поэтому-то она и приехала в Париж из Варшавы, бросив Ладислава и мальчиков, из-за того, что Ладислав сказал ей тогда: «Или мы, или твоя работа», и нет ей прощения, потому что надо было согласиться с ним, и мальчики тогда были бы рядом, и ничего ей больше не нужно, только б чувствовать их подле себя. Ладислав мог не понимать ее, даже обязан был ее не понимать, ведь никогда еще и никто не мог по-настоящему понять друг друга: мужчина — женщину, женщи-

ТРЕТЬЯ КАРТА

на — мужчину, и ей надо было смириться с этим, а она решила тогда, что мальчики, повзрослев, поймут ее правоту, и вот теперь она должна сидеть в этой душной маленькой приемной, и читать газету, которая сделана безвкусно, с нелепо громадным подвалом какого-то Монастырева о «великом идеологе национал-социализма, выдающемся трибуне и борце докторе Геббельсе», и стараться найти логику в статье полковника Карташова. Ганна стала читать шепотом, чтобы ей были понятнее русские слова — лишь произнесенное слово делается по-настоящему твоим: «Не дай вам бог сказать о поджигателях войны, что это масоны. Помилуйте, все наши „передовые“ гг. Милюковы, Бунины и Осоргины начнут травить вас общественным презрением как мракобеса! Но мы не боимся этих кличек и заявляем, что войны нужны только большевикам, евреям и масонам, войну поджигают масоны, и ведут ее только одни они!»

— Госпожа Прокопчук? — Ганна услышала за спиной негромкий голос. — Вы хотели видеть меня?

— Здравствуйте, господин Богданович. Благодарю за то, что у вас нашлось для меня время.

— По-русски вы не говорите? Я плохо понимаю вашу мову...

— Я не знаю никакой мовы, — резко ответила Ганна. — Я знаю свой язык — украинский... Может быть, мы объяснимся по-польски?

— Нет-нет, ляхов я тоже не понимаю. По-немецки?

— По-французски, пожалуйста.

Богданович чуть поморщился:

— Ну что же, давайте по-французски. Что вас привело ко мне? Я в свое время читал о ваших солнечных городах... Вы ученица Корбюзье?

— Да.

— Рождены в России?

— Нет. Я родилась в Кракове, а потом жила в Варшаве.

— Варшава — русский город. Он входил в состав империи, — заметил Богданович. — Итак?

— В Кракове остались мои дети. Семья... Я бы просила вас помочь мне вернуться туда. Мальчикам нужна мать, особенно в такое тревожное время...

— Вы правы, вы правы, госпожа Прокопчук. Мать нужна детям всегда, а особенно в трудное время. По национальности вы...

— Украинка. Польская подданная.

— Ваш муж?

— Лесной инженер Ладислав Стахурский...

— Поляк?

— Да.

— А почему вы пришли к нам, госпожа Прокопчук?

— Мне казалось, что...

— Что вам казалось? — Богданович начал ставить вопросы быстро, словно он допрашивал женщину. — Что вам казалось?

— Мне думалось, вы, как славянин, сумеете понять меня...

ТРЕТЬЯ КАРТА

— Мы занимаемся русскими, госпожа Прокопчук. Только русскими. Если бы вы были русской подданной, мы бы завели на вас карточку и вошли в сношение с немецкими властями.

— К кому я могу обратиться, господин Богданович? Посоветуйте мне, пожалуйста...

— Когда мы обращались за помощью к украинцам, они не считали своим долгом помогать нам советом, госпожа Прокопчук.

— Я обращаюсь к вам как мать...

— В наш век, увы, следует разграничивать и это понятие.

— Матерь божия была одна, — сказала Ганна, чувствуя, что сейчас снова заплачет. — Разве можно в чем-либо винить матерей?

Богданович озлился, лицо его снова как-то неуловимо дрогнуло:

— Тех, которые оставляют своих детей, — да.

Ганна поднялась — резко, словно ее ударили:

— Мне казалось, что в газете работают интеллигентные люди.

— Вы не ошиблись. Интеллигентные люди имеют право и обязаны отстаивать свою точку зрения. Повторять общепризнанное — удел черни. У вас все?

— Да. У меня все. Я хочу сказать вам на прощание, что ваша черствость отомстит вам, господин Богданович.

— Мне отмщение, и аз воздам. — Богданович тоже поднялся, после того как цепко и ернически оглядел фигуру женщины. — Честь имею.

Ганна шла к выходу, чувствуя на спине, шее, ногах, на волосах, уложенных без этого омерзительного, ставшего модным перманента, неотрывный взгляд Богдановича.

«Сейчас он окликнет меня, — подумала женщина, взявшись за медную холодную ручку, чересчур дорогую и вычурную на плохо окрашенной, потрескавшейся двери, — я знаю, что он сейчас скажет».

— Госпожа Прокопчук... — Богданович кашлянул негромко.

— Да, — ответила Ганна, не оборачиваясь.

— Вы можете оставить свой телефон. При случае я постараюсь обговорить ваш вопрос с немецкими властями.

Ганна медленно повернула голову, и взгляды их встретились.

— Я оставлю мой телефон представителю немецкой власти, — ответила Ганна, — мне не нужны посредники.

Богданович усмехнулся:

— Как знаете. Во всяком случае, принимая решение, они обратятся ко мне за консультацией.

— Так ведь я украинка...

— Как же, как же... Но украинского отдела в Париже нет, слава богу. Так что решайте. Мне, во всяком случае, было бы любопытно навесить вас.

...Два года назад, когда Ганна решила принять приглашение, пришедшее из Парижа, и уехала от Ладислава и мальчиков, муж сказал, что бу-

дет считать ее отъезд окончательным разрывом, и она устало согласилась с этим, потому что бесконечные ночные разговоры (попытки объяснить ему, что едет она не из-за прихоти и не потому, что ищет каких-то новых ощущений, а лишь по необходимости работать) до того утомили обоих, что стало ясно — прежнее, привычное, принадлежащее только им двоим кончилось, ушло безвозвратно.

В Париже она находила вначале счастье и спокойствие в творчестве: работала в огромной архитектурной мастерской, и проекты ее вызывали восторг у коллег. С первого гонорара она отправила деньги в Краков и письмо Ладиславу — доброе, грустное, с просьбой приехать с мальчиками в Париж. Считала дни, раскрашивая их в разные цвета. Она верила, что каждый день недели имеет свой особый цвет: суббота — это обязательно густая зелень с проблесками легкой и яркой желтизны; среда — день перелома, предтеча субботы, резкие оранжевые линии; воскресенье — это грустный день для тех, кто творит, а не работает, и для Ганны это был самый плохой день, ибо он отрывал ее от постоянной увлеченности делом, и она еще не имела достаточно денег, чтобы снять себе мастерскую, оборудовать ее и работать по воскресеньям — тогда бы и этот день был зеленым, ведь нет ничего прекраснее зеленого цвета, потому что это весна или июньское лето, и тишина, и пение птиц — невидных, но близких.

Через две недели, когда четырнадцать листов бумаги были покрашены ею в цвета счастливого ожидания, из Кракова возвратились деньги — без какого-либо объяснения. В тот же вечер она ужинала с коллегами и после уехала с Мишелем Шенуа к нему, в Иври. На рассвете она тихонько поднялась с кровати и попросила Мишеля не звонить до понедельника. Она поехала на телеграф и отправила телеграмму в Краков: «Если хочешь, я вернусь». Но и на эту телеграмму Ладислав не ответил. И тогда у Ганны началась странная, пустая, обреченная жизнь — по ночам и счастливая, отрешенная, испепеляющая — днем, в мастерской.

Мишеля она больше видеть не хотела, потому что он был чем-то похож на Ладислава: такой же большой, нескладный, обидчивый — она боялась увлечься им: ведь если в браке прожито десять лет, тогда это накладывает отпечаток на все последующее: привычка — вторая натура.

Ганна хотела уйти от себя, от прежней Ганны, она хотела, чтобы разум ее освободился от постоянной тоски.

Она знала, что мужчин к ней влекло право, завоеванное ею, редкостное у женщины право свободы поступка. Она видела, что здесь, у них в мастерской, женщины рассматривали мужчину как свое будущее, как гаранта своего, и это мужчин пугало, потому что люди жили какой-то шальной, странной жизнью, быстро влюблялись, так же быстро расставались с любовью или

ТРЕТЬЯ КАРТА

с тем, что любовью казалось, ибо ощущение тревоги было постоянным, и каждое утро — рассветное, серое, сумеречное, солнечное, счастливое, тяжкое, — любое утро было таким неизвестным, что будущее становилось явным, лишь когда чрезмерно бодрый диктор парижского радио начинал читать сводку последних известий, — «слава богу, еще один день без войны».

А когда утром первого сентября Ганна подошла к приемнику, повернула белую кругляшечку и бодрый голос диктора сообщил, что сейчас Гитлер бомбит Варшаву, она странно посмотрела на человека, который лежал в ее кровати, курил, тяжело затягиваясь черным «Галуазом», и спокойно, как о ком-то другом, подумала о себе: «Вот и пришло ко мне возмездие. Вот и остались Янек с Никиткой одни. А я дрянь. И все мои проекты — ерунда, потому что все уже давно шло к тому, чтобы разрушать, а не строить».

Она тогда заварила кофе, очень крепкий, сама пить не стала — горло все время перехватывала спазма; смотрела на своего приятеля задумчиво, отстраненно, а на прощание сказала ему:

— Знаешь, у тебя уже нет лица. На меня смотрит череп.

В их архитектурной мастерской, однако, жизнь продолжалась такая же, как и прежде: сыпались заказы из Америки, Бразилии, Аргентины и Мексики; по вечерам мужчины (многие из них ждали призыва и уже загодя ходили в полувоенной форме — это было модно) разби-

рали женщин (которые теперь по-другому смотрели на них — война заставляет иначе любить тех, кто будет защищать тебя с оружием в руках) и разъезжались по кафе, которые были открыты так же, как и в августе, только на окнах появились черные шторы светомаскировки.

Ганна теперь никуда не ездила: все свободные часы и дни она просиживала в организациях Красного Креста, в американском консульстве, в японском посольстве, стараясь получить разрешение на въезд в Польшу, но нигде и никто не мог помочь ей или, быть может, не хотел. А потом в швейцарском отделении Красного Креста молоденький, очень нервный и быстрый клерк, маленького роста, с обезьяньим лицом, предложил Ганне поужинать, и тогда, добавил он, «мы поговорим о вашем деле более подробно».

Он увез ее к себе, и Ганна, с трудом скрывая отвращение, осталась у него, а через два дня, когда она пришла за пропуском, ей сказали в представительстве, что Пауль Фроман срочно уехал в Берн в связи с болезнью его ребенка и вернется, видимо, не раньше чем через три месяца.

«Кому же верить? — думала сейчас Ганна, вернувшись в пустой Монс Элизе. — Кого просить о помощи?»

Она вспомнила прыгающее лицо Богдановича, его быстрые пальцы, и чувство омерзения овладело ею.

«Да, — решила она, — надо идти к немцам. Больше не к кому. А если и они откажут, я пойду пешком на границу, я не знаю, что стану де-

ТРЕТЬЯ КАРТА

лать, но только я должна все время что-то делать, иначе я сойду с ума».

И впервые вдруг она разрешила себе услышать тот страшный вопрос, который родился в ней в день бомбежки Варшавы: «А что, если их уже нет, моих мальчиков? Что, если я осталась одна?»

И этот второй вопрос показался ей таким страшным, что она ощутила тяжкую брезгливость к себе, как в ту первую ночь, когда поехала к Мишелю и легла в его широкую, холодную и скрипучую кровать с синим балдахином, наивно полагая, что отречение от прошлого принесет избавление в будущем. Можно отринуть любимого или врага — нельзя отвергнуть самого себя, и невозможно забыть прошлое.

...В таинственной и непознанной перекрещиваемости человеческих судеб сокрыто одно из главных таинств мира.

Отец Исаева-Штирлица, профессор права Петербургского университета Владимир Александрович Владимиров, уволенный за свободомыслие и близость к кругам социал-демократии, был женат на Олесе. Свадьба у них была особая, по обычаю ссыльных поселенцев Забайкалья — с чтением стихов Некрасова, Пушкина, Лермонтова и Шевченко. Олеся, дочь ссыльного украинского революционера Остапа Никитовича Прокопчука, пела протяжные песни.

Там же, в Забайкалье, родился у них сын Всеволод.

Отбыв ссылку, Остап Никитович Прокопчук с сыном Тарасом вернулся на Украину, а потом, опасаясь нового ареста, переехал в Краков. Здесь, в Кракове, Тарас женился на голубоглазой, черноволосой Ванде Крушанской, здесь-то и родилась у него дочь Ганна.

Остап Никитович и Тарас написали в Петербург письмо, сообщая Владимиру Александровичу Владимирову, что у Всеволода появилась двоюродная сестра, но письмо это адресату доставлено не было, потому что Владимиров с сыном в это время был в швейцарской эмиграции.

А потом началась мировая война, свершилась революция, и лишь тогда двадцатилетний Всеволод Владимиров, не Максим Исаев еще, а уж тем более не Штирлиц, узнал от члена коллегии ВЧК Глеба Ивановича Бокия, что есть у него в Польше сестра Ганна, оставшаяся сиротой, — Остап Никитович погиб в пятнадцатом году, а сына его, Тараса, расстреляли в восемнадцатом. Найти девочку и привезти ее в Россию он не мог: режим Пилсудского зорко следил за восточными границами Речи Посполитой и никого в красную Совдепию не пускал, украинцев тем более.

Мать Исаева-Штирлица, Олесь Остаповна, умерла, когда мальчику было пять лет, — скоротечная чахотка в сибирской ссылке многих свела в могилу. Он помнил только теплые руки ее и мягкий украинский говор — тихий, певучий, нежный.

ТРЕТЬЯ КАРТА

Глеб Иванович Бокий однажды пошутил:

— Плохой ты хохол, Владимиров, песен наших не знаешь.

— Я знаю, — ответил тогда Всеволод, — я помню две мамины песни, только мне слишком больно вспоминать их...

...А потом он перешел на нелегальное положение, и с двадцать второго года жил за кордоном, и не мог знать, что сейчас люди в таких же черных мундирах, которые носил он, готовили в Париже двоюродной сестре его Ганне Прокончук участь страшную, но по тем временам типическую, ибо в раскладе национальной структуры гитлеризма понятие «славянство» было нерасчленимо на составные части русского, украинского, белорусского, сербского или польского: речь шла о тотальном уничтожении культуры, семени и крови этого единого племени.

И если бы литератор или историк был вправе озадачить себя раздумьем, мог ли в те дни, накануне самого страшного в истории человечества сражения, брат Ганны Прокончук помочь ей — допустив на миг возможность такого рода помощи, — то ответ определенный никто дать бы не смог, поскольку подчиненность частного общему, как жестоко она ни проявляет себя, существует и опровергать ее негуманно. В этом нет парадокса, ибо риск во имя сестры был бы отступничеством по отношению к ста пятидесяти миллионам сограждан, которым он, Штирлиц, служил по закону долга — не приказа.

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

«Верховное главнокомандование
вооруженных сил.

Штаб оперативного руководства.

Отдел обороны страны
(оперативный отдел).

№ 44428/41.

Ставка фюрера
3.4.41 г.

Сов. секретно.

Только для
командования.

Содержание:

Подготовка к операции „Барбаросса“

1. Время начала операции „Барбаросса“ вследствие проведения операций на Балканах откладывается по меньшей мере на четыре недели.

2. Несмотря на перенос срока, приготовления и впредь должны маскироваться всеми возможными средствами и преподноситься войскам под видом мер для прикрытия тыла со стороны России...

Начальник штаба верховного
главнокомандования
вооруженных сил

Кейтель».

ПРЕАМБУЛА

(11 июня 1941 года, Берлин)

Когда слуга легким движением рук взял со стола пустые кофейные чашки и, ступая неслышно, вышел из каминной, адъютант Гейдриха штандартенфюрер Риче подвинул Узнеру, начальнику отдела III-A шестого управления РСХА, карлсбадскую пепельницу, полюбовался диковинными гранями сине-красного тяжелого стекла и несколько удивленно заметил:

— Подумать только, в истоке этой прозрачности — обычный песок. Впрочем, трибун начинается с беззащитного писка младенца, а у истоков красоты атлета — звериный вопль роже-ницы... Можете курить.

— Благодарю, штандартенфюрер.

— Так вот, я продолжу мое размышление вслух... Кампания на Востоке ставит перед нами совершенно новые задачи. Армия после побед во Франции, Норвегии и Югославии заняла исключительное положение в обществе — герои недавних боев наш гитлерюгенд знает теперь лучше, чем ветеранов движения. После того как мы сокрушим большевизм, армия может ока-

ЮЛИАН СЕМЕНОВИЧ СЕМЕНОВ

ТРЕТЬЯ КАРТА

Ответственный редактор Оксана Прилежаева

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректоры Людмила Дубовая, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.09.2026.

Формат издания 84 × 96 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 19,37. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вв. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»,	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

A-BLP-43894-01-R